

Перспективы разработки проблемы принципов системогенеза деятельности

Карпов А.В.,
член-корреспондент РАО, д.псих.н., профессор,
декан факультета психологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Концепция системогенеза профессиональной и учебной деятельности, разработанная В.Д. Шадриковым и развитая в исследованиях его учеников и последователей, является в настоящее время общепризнанной и одной из наиболее конструктивных. Она уже давно и прочно вошла в «золотой фонд» отечественной психологии, являясь теоретико-методологической основой для большого цикла исследований как собственно теоретического, так и прикладного характера. В этих исследованиях получены многочисленные интересные результаты, раскрывающие важные закономерности и механизмы организации психологической системы деятельности (как профессиональной, так и учебной), дано решения ряда важных проблем психологической теории деятельности [3,6,7,8,9,10,11].

Вместе с тем, как и всякая, действительно, крупная и конструктивная научная концепция, она не только решает те или иные вопросы, но и приводит к постановке новых – еще более сложных исследовательских задач, к формулировке новых проблем собственно методологического и теоретического плана, не говоря уже о проблемах прикладного и эмпирико-экспериментального характера. В этом отношении следует подчеркнуть, что именно эвристический потенциал той или иной концепции в плане постановки новых задач, а также ее открытость к новым данным и способность к их ассимиляции являются, как известно, одними из основных критериев продуктивности и перспективности научных теорий в целом. Кроме того, необходимо учитывать и то, что к постановке новых задач приводит и внутренняя логика развития самой этой концепции, поскольку кумуляция результатов, осуществляющаяся в ней, объективно предполагает необходимость их теоретического осмысления, методологической рефлексии над ними, поиска и реализации новых способов обобщения и интерпретации. Наконец, необходимо принимать во внимание и то важное обстоятельство, что сквозь призму постоянно обогащающихся результатов теоретико-методологического и эмпирико-экспериментального характера в новом свете предстают и те проблемы, которые являются традиционными, давно сформулированными в этой концепции.

Во всем – достаточно обширном комплексе исследовательских задач, связанных с дальнейшим развитием концепции системогенеза, ключевое место занимает, на наш взгляд, разработка теоретико-методологических представлений об одном из важнейших ее понятий – о понятии *принципов* системогенеза. Не только по своему существу, но даже этимологически данная проблема занимает именно ключевое – основное и определяющее место в данной концепции (само слово «*principium*» имеет в качестве своего исходного значение «основа»). Можно сказать, что представления о принципах системогенеза – это сердцевина

и наиболее специфическое содержание всей этой концепции. Вместе с тем, как это нередко бывает в ходе развития той или иной концепции, объективно главная и определяющая в ее структуре проблема, каковой в концепции системогенеза является проблема его принципов, раскрыта в относительно меньшей степени, чем многие иные ее аспекты и уж во всяком случае – не в той мере, которая адекватна ее статусу.

Действительно, по отношению к проблеме принципов системогенеза к настоящему времени сложилась ситуация, характеризующаяся следующими основными особенностями. Во-первых, совокупность этих принципов была дифференцирована уже на самых *ранних* этапах развития концепции системогенеза и, следовательно, представления о них необходимо рассматривать как наиболее традиционные, обладающие наибольшим «временем» жизни» в ней [2,10]. Это, как известно, принципы неравномерности, гетерохронности, обеспечения минимального эффекта функционирования системы, одновременности закладки компонентов системы, консолидации, дополненные несколько позже принципами прогрессирующей интегрированности и дифференцированности системы. Во-вторых, гораздо чаще эти принципы именно *используются*, реализуются как некоторая данность, нежели подвергаются специальной и самостоятельной методологической рефлексии и теоретическому *осмыслению*, попыткам их собственного изучения и углубления. В-третьих, по отношению к совокупности принципов к настоящему времени сложилась своеобразная «презумпция несуществования», заключающаяся в том, что уже установленные принципы *исчерпывают* собой все их реально существующее множество и, следовательно, иных принципов – просто по определению – не существует. В-четвертых, не только не решена, но даже не сформулирована в эксплицитном виде задача определения *критерия достаточности* множества принципов системогенеза, а также проблема их упорядоченности и систематизации, организации и координации в общей структуре системогенеза.

Безусловно, все отмеченные выше особенности приводят к постановке достаточно сложных вопросов собственно теоретического плана. И главный, а одновременно – и наиболее сложный среди них – это вопрос о том, *исчерпывают ли* уже установленные принципы системогенеза, в действительности, все их реально существующее множество. Если да, то каков критерий достаточности этого множества? Если нет, то какие дополнительные по отношению к уже известным, принципы существуют? Естественно, вопросы такого ранга сложности не допускают простых и исчерпывающих решений, а требуют реализации комплекса теоретических и методологических исследований. Вместе с тем, некоторые положения, содействующие их решению, могут быть сформулированы уже сейчас.

Как известно, одним из важнейших понятий концепции системогенеза является понятие психологической системы деятельности (ПСД); оно вступает не только, как минимум, паритетным по степени обобщенности и значимости с понятием принципов системогенеза, но и во многом базовым по отношению к нему [10]. Понятие ПСД фиксирует целостную архитектуру психической регуляции деятельности как организованной совокупности ее основных «состав-

ляющих», обозначаемых понятием функциональных блоков (мотивации, целей, информационной основы, принятия решения, программирования, профессионально-важных качеств, исполнительской части, контроля, коррекции). В свою очередь, каждый из этих блоков также имеет достаточно сложное строение, предстает как организованная совокупность специфических компонентов. Тем самым ПСД является онтологической базой для развертывания принципов ее генетического развития, то есть для принципов системогенеза. Сами же принципы выступают с этих позиций как ключевые аспекты единого по своей сути процесса генезиса системы деятельности. Вместе с тем, в этом – повторяем, едином по своей сути – процессе генетического развития системы в целом представлены и органически взаимопереплетены достаточно разные линии и аспекты, направления и уровни развития. Они, по-видимому, столь же гетерогенны и множественны, сколь многомерна и полиструктурна сама психологическая система деятельности. В пользу этого заключения свидетельствуют и те многочисленные данные, которыми располагаете в настоящее время концепция системогенеза.

Так (и это явилось доминирующим предметом исследований на относительно ранних этапах развития данной концепции), действие принципов системогенеза может проявляться, а сами они – обнаруживаться в плане генезиса системы *в целом*, то есть на общесистемном уровне ее организации. Это, например, гетерохрония формирования блока информационной основы деятельности по отношению к формированию блока принятия решения, характеризующаяся, как известно, закономерной временной отсроченностью формирования второго из них [5,6,9]; аналогичная гетерохрония формирования блока профессионально-важных качеств по отношению к формированию блока исполнительской части деятельности [8,10] и т.д. Еще более показательный пример – действие принципов одновременности закладки компонентов системы и обеспечения минимального эффекта, согласно которым уже на самых начальных стадиях генезиса ПСД представлены все ее основные функциональные блоки (хотя, конечно, в неразвернутой форме), а также в том виде, который необходим для обеспечения минимально допустимого результата, но не какая-либо их часть [10].

Далее, действие системогенетических принципов может проявляться, а сами они – реализовываться не только в плане обобщенной динамики ПСД в целом, но и в плане генетического развития ее основных «составляющих» - *функциональных блоков*. Более того, именно этот – так сказать «внутриблочный» аспект генезиса ПСД является в настоящее время наиболее разработанным и широко представленным, а также богатым эмпирическими, экспериментальными и прикладными результатами. Так, он детально реализован по отношению к генезису блока профессионально-важных качеств, а полученные при этом данные являются наиболее демонстративными и очевидными в плане обоснования системогенетических закономерностей в целом [8,10]. Аналогичные исследования выполнены по отношению к блокам целеобразования [3], мотивации [7], информационной основы [9], исполнительской части [8,10]. В проведенном нами цикле экспериментальных и прикладных исследований действие системогенетических закономерностей подробно раскрыто и на материале тако-

го определяющего для всей ПСД функционального блока, каковым выступает блок принятия решения [4,5]. Как известно, данный блок образован инвариантной структурой основных компонентов, состоящей из организованной совокупности его базовых «единиц»; к ним относятся информационная основа принятия решения, критерии выбора, правила принятия решения, способы и стратегии решений, а также альтернативы и гипотезы. Полученные данные убедительно свидетельствуют, что генетическое развитие этой структуры воплощает в себе все основные системогенетические принципы.

Констатация этих, уже давно ставших общеизвестными и общепризнанными результатов приводит, однако, к постановке достаточно значимого теоретического вопроса, суть которого заключается в следующем. В силу каких причин системогенетические закономерности и принципы действуют и проявляются не только на уровне *системы в целом* (то есть так сказать там, где им и «положено проявляться»), но и на уровне ее отдельных «составляющих»? При чем, эти проявления не менее богаты и рельефны, нежели по отношению к генезису системы в целом. На наш взгляд, существует достаточно естественное объяснение данного факта. Дело в том, что традиционно выделяемые в концепции системогенеза функциональные блоки, будучи «аналитически выделенными единицами целого», то есть выступая таковыми по отношению к психологической системе деятельности в целом, одновременно – но в другом измерении и на другом уровне (рассмотренные сами по себе) также являются чрезвычайно сложными и, по всей вероятности, системно-организованными образованиями. Их необходимо трактовать не как локальные компоненты психологической системы деятельности, а как ее специфические подсистемы (или subsystemы). Будучи, повторяем, аналитическими по отношению к одному уровню рассмотрения (общедеятельностному), они синтетичны, системны по отношению к другому уровню. Являясь, следовательно, на этом уровне *подсистемами*, они выступают как, хотя и соподчиненные более общей целостности – деятельности, но все же именно как *системные* образования. Совершенно естественно поэтому, что и в плане их генезиса также действуют специфические для формирования системных образований закономерности, то есть именно принципы системогенеза.

В результате сказанного складывается гораздо более сложная и дифференцированная картина всей системогенетической динамики. Общий (интегральный) системогенез развертывается как синхронизированная и скоординированная совокупность целого семейства частных (парциальных) системогенезов всех функциональных блоков, трактуемых как подсистемы психологической системы деятельности в целом. Тем самым он трансформируется в *полисистемогенез*, а исходное и базовое понятия системогенеза обретает новый смысловой оттенок: это уже не только «генезис системы», но и «система генезисов» (то есть процессов формирования всех функциональных блоков).

Вместе с тем, и эта – уже существенно более сложная и дифференцированная картина генетической динамики еще недостаточна для полного раскрытия всей комплексности действия системогенетических закономерностей. Дело в том, что, как мы отмечали выше, каждый из функциональных блоков (то есть

подсистем) образован упорядоченным множеством ряда основных компонентов. Так, для блока информационной основы деятельности в их функции вступают отдельные информационные признаки; для блока ПВК – отдельные качества субъекта, значимо детерминирующие результативные параметры деятельности; для блока принятия решения – отдельные компоненты «инвариантной структуры» процессов выбора (правила, критерии, информация, стратегии, альтернативы) и т.д. Однако и по отношению к компонентам «работает» то же самое гносеологическое правило, которое уже отмечалось выше: будучи аналитическими на одном уровне рассмотрения (субсистемном), компоненты сами по себе – в аспекте их собственного содержания, то есть на ином, более глубоком уровне рассмотрения, также являются очень сложными и, вероятнее всего, также системно-организованными образованиями.

Данная закономерность подтверждается многочисленными результатами теоретического и эмпирико-экспериментального планов. Так, в частности, в данном отношении следует привлечь известные представления о системной организации в структуре индивидуальных качеств, соотносимых с тем или иным психическим процессом, трех категорий механизмов – функциональных, операционных и мотивационных [1,10]. Генетические исследования, выполненные с этих позиций, свидетельствуют о том, что системогенетические закономерности проявляются и в аспекте сравнительного генезиса этих трех категорий механизмов [10,11].

Далее, в наших исследованиях было установлено, что любой компонент другого функционального блока – блока принятия решения также является внутренне гетерогенным, дифференцированным и, по сути, сложноорганизованным, системным образованием. Типичная иллюстрация этого – один из важнейших компонентов принятия решения, каковым выступают правила выбора. Общая совокупность правил включает в себя их различные категории – в частности, детерминистские, репродуктивные, эвристические, вероятностные и др. Однако главное заключается в том, что общий генезис всей их совокупности, рассмотренной именно как внутренне дифференцированная целостность, характеризуется практически всеми основными системогенетическими принципами. Так, правила формируются различными темпами на отдельных этапах профессионализации (то есть выполняется принцип неравномерности); их формирование в целом разновремененно по отношению друг к другу (то есть выполняется принцип гетерохронности); на каждом этапе профессионализации представлена вся их структура в целом (хотя и в недостаточно развитом виде на ранних этапах), то есть выполняется принцип обеспечения минимального эффекта. Аналогичным образом проявляются и иные системогенетические принципы [5,6].

Таким образом, подводя промежуточные итоги проведенному выше анализу, необходимо сделать следующее заключение. Во-первых, те данные, которыми располагает в настоящее время концепция системогенеза, а также результаты, полученные в более общем контексте – в рамках психологической теории деятельности вскрывают очень сложную и внутренне дифференцированную картину системогенеза. Во-вторых, сама эта сложность обусловлена, прежде всего, тем, что системогенетические принципы реально действуют и

феноменологически проявляются не в каком-либо одном «измерении», а в целом ряде такого рода «измерений». В-третьих, адекватная концептуализация основных из этих «измерений» возможна, по нашему мнению, на основе более глубокого и полного синтеза концепции системогенеза с психологической теорией деятельности, точнее – с содержащимися в последней представлениями о структурно-уровневой организации деятельности. Действительно, как было показано выше, системогенетические принципы действуют и на *общесистемном* уровне организации ПСД, и на *субсистемном* уровне ее организации (то есть на уровне основных подсистем – функциональных блоков), и на *компонентном* уровне ее организации. Следовательно (и это, в-пятых), сам системогенез имеет уровневое строение. Более того, именно та структурно-уровневая организация деятельности, которая является несомненной объективной реальностью, как раз и является аналогичной, то есть также объективной базой для всего «пространства» системогенетических принципов. В-шестых, поскольку в свете этих выводов, совокупность системогенетических принципов обретает уровневую, то есть многомерную организацию, то и их одномерное – «плоскостное» изучение должно быть дополнено качественно иным – так сказать «вертикальным» раскрытием и изучением. Его цель – установление закономерностей и механизмов действия системогенетических закономерностей, развертывающихся на каждом из основных уровней организации системы деятельности (общесистемном, субсистемном, компонентном. Наконец, в-седьмых, если, действительно, системогенетические принципы развертываются одновременно на качественно различных уровнях организации ПСД, то объективно необходимыми являются средства согласования и координации, синхронизации и соорганизации их развертывания на всем множестве уровней. Их поиск и исследование должны, на наш взгляд, рассматриваться как ближайшая перспектива и одна из наиболее важных теоретических задач развития концепции системогенеза.

Обоснованная выше необходимость уровневой трактовки системогенеза позволяет не только определить одно из приоритетных направлений развития представлений в данной области, но и предложить вариант решения той проблемы, которая была сформулирована в начале данной статьи. Это – проблема возможного существования иных, *дополнительных* по отношению к уже известным принципам системогенеза.

Действительно, как было показано выше, системогенетические принципы развертываются не только по отношению к «деятельности в целом», то есть не только на одном уровне ее организации – общесистемном, а одновременно на нескольких уровнях. Сам же системогенез должен быть проинтерпретирован с широких и, следовательно, более адекватных позиций как полисистемогенез, организованный на основе структурно-уровневого принципа. Отсюда следует, что онтологически представленное множество «составляющих» какого уровня выступает аналогичной, то есть также – онтологической базой для развертывания системогенетических принципов. Вместе с тем, столь же очевидно и другое обстоятельство: прежде чем и для того, чтобы системогенез обрел свой реальный, то есть многомерный и многоуровневый вид, сами деятельностные уровни также должны быть сформированы. Иными словами, необходимой предпосыл-

кой действия самих системогенетических закономерностей является дифференциация системы деятельности на основные уровни ее организации. Эта дифференциация, а точнее – становление в процессе генезиса деятельности ее урвневой структуры является и необходимой, и очень общей закономерностью генетического плана. Более того, если возвратиться к исходному смыслу и даже – к самой этимологии понятия «принцип», то этим смыслом следует считать именно *основную* и наиболее общую и инвариантную характеристику чего-либо (в данном случае – генезиса деятельности). В этом случае становится предельно очевидным, что генезис деятельности именно как системы, то есть, фактически, системогенез в непосредственном смысле *прежде всего*, причем – совершенно объективно предполагает формирование ее урвневой структуры. Понятия «урвневой организации» и «системной организации» во многом не просто синонимичны, но и взаимопологаемы. Более того, дифференциация уровней внутри системы, а также их обогащение содержанием в ходе формирования системы деятельности – это и есть реальная, онтологически представленная база для всех иных системогенетических принципов.

Наконец, с этих позиций достаточно рельефно предстает и наиболее существенное обстоятельство: суть генезиса любой системы, а, следовательно, и ее *главный принцип* состоит в формировании ее урвневой структуры. Формирование целостной и скоординированной *иерархии* уровней системы во многом равнозначно ее генезису как таковому (и уж во всяком случае – лежит в его основе). Но если это справедливо – если осуществляющаяся в ходе генезиса системы деятельности *иерархизация* структуры ее основных урвней является, действительно, очень *общей* закономерностью генетического плана и, более того, лежит в основе *иных* системогенетических закономерностей на всех основных уровнях (что и было показано выше), то столь же справедливо и заключение, согласно которому сама эта иерархизация также должна быть рассмотрена как необходимый принцип системогенеза. Вообще говоря, делая это заключение, нельзя не отметить достаточно парадоксального факта: столь явная и общая закономерность генетического плана формирования любой сложной системы, каковой является становление и развитие ее структурно-урвневой, иерархической организации, до сих пор не концептуализируется в качестве именно принципа системогенеза. И наоборот, адекватная концептуализация данной – повторяем, не только предельно общей, но и основной закономерности делает настоятельной необходимостью включения в состав традиционно выделяемых принципов системогенеза дополнительного принципа – *принципа иерархизации*. В данном контексте небезынтересно отметить и то, что, что второе главное значение понятия «принцип» - это «начало». По-видимому, принцип иерархизации – это и есть не только одна из *основных* системогенетических закономерностей, но одновременно – именно *начальная* (исходная, отправная) закономерность, на которой базируются все иные особенности генетической динамики систем.

При формулировке данного заключения следует учитывать три дополнительных обстоятельства. Во-первых, естественно, сам термин, предлагаемый для обозначения данного принципа, следует рассматривать именно как рабочий

и допускающий свою корректировку. Во-вторых, понятие иерархизация не тождественно, конечно, понятию иерархичности: во втором из них зафиксирован принцип организации и функционирования уже *сформировавшейся* системы, тогда как первый призван зафиксировать именно генетический план самого процесса *формирования* системы. В-третьих, данный принцип недопустимо трактовать как частное проявления известного принципа внутрисистемной дифференциации, поскольку в нем зафиксирована дифференциация системы не на компоненты и (или) иные «единицы» любой степени обобщенности, а именно на *уровни*, которые по самой своей природе, то есть атрибутивно, являются эффектами интеграции множества компонентов, «единиц», а потому – в принципе несводимы к ним, а также к их аддитивной совокупности.

Кроме того, поскольку данный принцип не только неразрывно и объективно связан с охарактеризованной выше согласованной динамикой «единиц» деятельности внутри каждого из дифференцирующихся в ходе ее генезиса уровней, но и фактически, базируется на ней, то следует констатировать наличие еще одной очень общей закономерности генетического плана. Ее также (именно в силу предельно общего характера) следует, по-видимому, рассматривать как принцип системогенеза. Смысл и содержание данного принципа состоят в том, что осуществляющиеся в ходе развития системы деятельности перестройки на основных уровнях ее организации являются скоординированными, согласованными и, более того, - взаимодействующими. При этом генетические трансформации «составляющих» каждого вышележащего уровня создают определенные *режимы* для генетических трансформаций «составляющих» нижележащего по отношению к нему уровня (это – так сказать формирование «сверху-вниз»). В свою очередь, перестройки, осуществляющиеся на нижележащем уровне, создают необходимые *условия* и *предпосылки* для перестроек на вышележащем уровне (формирование «снизу-вверх»). Данную, повторяем – достаточно общую закономерность можно обозначить как *принцип конкордантности* (от лат. concordare - согласовывать). Его содержанием выступают координированность и взаимодействующая двух планов межуровневого генезиса системы деятельности: «сверху – вниз» и «снизу – вверх», а также аналогичная скоординированность генетических перестроек, осуществляемых внутри каждого уровня.

Данные принципы, наряду с уже охарактеризованными особенностями, имеют целый ряд иных проявлений и аспектов. Так, в частности, реализация принципа иерархизации обуславливает наличие существенных генетических особенностей, одна из которых состоит в следующем. Известно, что главным критерием дифференциации уровней какой-либо системе являются глубокие – именно *качественные* различия, обнаруживаемые системой на каждом из них. Тем самым понятия уровня и качественных различий являются, фактически, взаимопологаемыми. Однако это означает, что дифференциация внутри системы множества соподчиненных уровней, то есть ее иерархизация в ходе генезиса – это объективное условие и необходимая предпосылка для возникновения *новых качественных* характеристик самой системы. Другими словами, именно принцип иерархизации – это и есть главное условие и ведущий механизм воз-

никновения у систем новых характеристик, особенностей и закономерностей. Тем самым принцип иерархизации раскрывается не только как один из основных принципов системогенеза, но и как продуктивно-генеративный механизм порождения новых качеств системы в ходе ее генезиса.

Вторая из рассмотренных выше - общих закономерностей, обозначенная как принцип конкордантности, также позволяет раскрыть новые, дополнительные грани и особенности системогенеза деятельности. Одна из этих закономерностей заключается в следующем. Традиционно принято считать, что сама суть генетического развития системы деятельности именно как системогенеза состоит в обретении ей все большей организованности, структурированности, упорядоченности и целостности. Иными словам, доминирующий акцент делается на так сказать «позитивном» аспекте системогенеза, связанном с приданием деятельности системности, интегрированности, упорядоченности. Вместе с тем, нельзя не видеть, что системогенез деятельности, ее развитие в целом – это более сложный процесс, нежели лишь один из его аспектов – «позитивный». Дело в том, что системогенез деятельности включает в себя не только совокупность процессов и механизмов, направленных на придание деятельности черт системности, но и сопровождается постоянным возникновением моментов своего рода *асистемности*, неупорядоченности, неопределенности. Порождение, а затем – преодоление этой асистемности является не только объективным атрибутом системогенеза, но и мощным внутренним стимулом для его развертывания как такового. Поясним сказанное.

На каком бы уровне организации деятельности ни рассматривался генезис «составляющих» этого уровня, возможны два основных «сценария» их генетической динамики. Первый: формирование каждой из этих «составляющих» на любом из этапов может осуществляться по типу адекватного ответа – как бы «подтягивания» под степень сформированности иных «составляющих» этого (и других) уровня. Второй: такое формирование может осуществляться не только и не столько как «подтягивание», но и с определенным «запасом», опережением, характеризующимся известным *выходом* за пределы необходимого. Этот – второй вариант, по-видимому, наиболее целесообразен с генетической точки зрения. Однако в этом случае формирование тех или иных «составляющих» заключается не только в их гармонизации со степенью сформированности всех других «составляющих» (то есть в обретении всей их совокупности черт системности), но и во внесении в систему определенной дисгармоничности, противоречивости, поскольку каждая из них выходит за пределы достигнутого системой уровня организации и вносит тем самым в нее моменты асистемности. Вместе с тем, это не просто асистемность, но асистемность продуктивная, генеративная, поскольку возникающая при этом дисгармония выступает стимулом и источником для внутреннего развития системы деятельности. Возникновение *противоречия* между актуальной асистемностью и необходимостью придания деятельности системности выступает тем самым мощным эмерджентным фактором системогенеза. Вообще говоря, представляется не вполне правомерным, а частично – и парадоксальным то обстоятельство, что фундаментальная категория *противоречия* как объективного и важнейшего стимула развития как та-

кового все еще явно недостаточно привлекает внимание исследователей, занимающихся разработкой проблемы системогенеза. И наоборот, осознание важности факта перманентно генерируемой продуктивной асистемности как атрибутивной особенности системогенеза позволяет рассматривать механизм ее порождения и преодоления как еще одну общую закономерность системогенеза.

Библиографический список

1. Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания [Текст] / Б.Г. Ананьев. – М: Наука, 1978. - 380 с.
3. Анохин, П.К. Избранные труды [Текст] / П.К. Анохин. - М., Наука, 1978. - 399 с.
3. Ансимова, Н.П. Психология постановки учебных целей [Текст] / Н.П. Ансимова. - Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2006. - 267 с.
4. Карпов, А.В. Психология принятия управленческих решений [Текст] / А.В. Карпов. – М: Юрист, 1998. 437 с.
5. Карпов, А.В. Психология принятия решения [Текст] / А.В. Карпов. – М: ИП РАН, 2003. 329 с.
6. Карпов, А.В. Предпосылки и перспективы разработки обобщающей психологической теории деятельности. [Текст] / А.В. Карпов // Проблемы субъекта профессиональной деятельности / Под ред. А.В. Брушлинского, А.В. Карпова. – М: ИП РАН, 2001. - С.23-54.
7. Карпова, Е.В. Структура и генезис мотивационной сферы личности в учебной деятельности [Текст] / Е.В. Карпова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. - 536 с.
8. Нижегородцева, Н.В. Системогенетический анализ готовности к обучению [Текст] / Н.В. Нижегородцева. – Ярославль: Аверс Пресс, 2004. - 366 с.
9. Поваренков, Ю.П. Проблемы психологии профессионального становления личности [Текст] / Ю.П. Поваренков. - Ярославль: Канцлер, 2008. - 400 с.
10. Шадриков, В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности [Текст] / В.Д. Шадриков. – М: Наука, 1982. - 182 с.
11. Шадриков, В.Д., Черемошкина, Л.В. Мнемические способности: развитие и диагностика [Текст] / В.Д. Шадриков, Л.В. Черемошкина. – М: Педагогика, 1990. - 236 с.